

DOI 10.15826/izv2.2018.20.2.032
УДК 94(470)“1945” + 343.43-053.2/.6

В. М. Кореньюк
А. Б. Суслов

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет*
Пермь, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ «СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ДЕТЕЙ» В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В статье рассматриваются особенности повседневной жизни детей, родители которых стали жертвами политических репрессий. Проблема рассматривается, в основном, на материалах Пермского края¹. Используются методологические подходы истории повседневности. В качестве источников привлекались нормативно-правовые документы изучаемой эпохи и материалы делопроизводства различных ведомств, в первую очередь НКВД, а также воспоминания очевидцев, преимущественно собранные с помощью методов устной истории. Из этой категории источников используются в первую очередь те, которые можно охарактеризовать как типичные, но в то же время ярко эмоционально окрашенные. В статье описывается жилищно-бытовое обустройство изучаемой социальной группы. Во многом трудности в быту были общими для всех советских людей, однако в ряде случаев особенности социального статуса могли усугублять эти тяготы. Авторы отказываются от однозначных утверждений о том, что послевоенное время воспринималось детьми одинаково и только в серых тонах, так как многое зависело не только от социального статуса детей в местном сообществе, но и от политической ситуации в стране. Авторы выделяют барьеры, с которыми сталкивались дети репрессированных родителей, в первую очередь в сфере образования. Описывается атмосфера подозрительности, в которой они жили. Кроме того, авторы уделяют внимание ментальной повседневности детей, чьи родители были поражены в правах, показывают, что для их повседневности было характерно наличие постоянного дискомфорта, связанного с предвзятым отношением общества к людям, носившим клеймо «враг народа».

К л ю ч е в ы е с л о в а : СССР; послевоенное время; повседневность; дети; репрессии.

Ц и т и р о в а н и е: Кореньюк В. М., Суслов А. Б. Особенности повседневной жизни «социально опасных детей» в послевоенное время // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 155–168.

Поступила в редакцию 04.07.2017

Принята к печати 18.04.2018

¹ С 1940 по 1957 г. — Молотовская область.

Valentina M. Korenyuk**Andrey B. Suslov***Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm, Russia*

THE EVERYDAY LIFE OF ‘SOCIALLY DANGEROUS CHILDREN’ IN THE POSTWAR PERIOD

This paper considers the everyday life of children whose parents had been politically repressed. Mostly, the authors focus on materials from Perm region, relying on the methods and approaches of everyday history. The analysis is based on legislative regulations, archival documents, such as NKVD files, and memoirs, based on the oral accounts of witnesses. In this category, the authors focus on the ones that are both typical and emotional. The article considers the living conditions of the social group in question. The difficulties they faced were common for all Soviet people, however, their social status could exacerbate them. The authors refute the idea that during the postwar years, all children equally regarded the period as sombre, as much depended not only on the social status of the children in the local community but also on the political situation in the country. The authors single out obstacles the children whose parents had been repressed were facing, especially in the educational sphere. They describe the atmosphere of suspicion they lived in. Additionally, the authors pay attention to the children's mental state, as their parents were deprived of their rights, and demonstrate that they experienced a constant lack of comfort, because society was prejudiced against them as “enemies of the people”.

Key words: USSR; postwar time; everyday life; children; repression.

Citation: Korenyuk, V. M., & Suslov, A. B. (2018). Osobennosti povsednevnoj zhizni ‘sotsialno opasnykh detej’ v poslevoennoe vremia [The Everyday Life of ‘Socially Dangerous Children’ in the Postwar Period]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 2 (175), 155–168.

Submitted on 04 July, 2017

Accepted on 18 April, 2018

Повседневная жизнь советских людей в послевоенное время привлекает все более пристальное внимание исследователей, но все еще остается недостаточно изученной. В частности, это касается повседневной жизни детей.

Среди работ, посвященных послевоенной советской повседневности, наиболее значимой можно назвать монографию Е. А. Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953» [Зубкова], где впервые рельефно высвечивается особая поколенческая специфика детей и подростков в послевоенное время.

Ряд региональных исследований, в том числе основанных на материалах Пермского края, хоть и не затрагивают напрямую вопросы повседневной жизни детей, тем не менее, позволяют увидеть состояние советского общества в послевоенный период, учитывая, что общество влияло на социализацию ребенка

и навязывало ему определенные модели поведения [Лейбович; Кимерлинг; и др.]. Один из индикаторов наметившегося тренда — защита ряда диссертаций, в которых рассматриваются отдельные аспекты проблемы [Романович; Туриянова; Елизов; и др.].

Особое место занимает диссертационное исследование М. В. Ромашовой «Советское детство в 1945 — середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области)», в котором на материалах Пермского края анализируется эволюция государственных институтов и политики по отношению к детям, уделяется большое внимание социально-экономическим и демографическим проблемам и трудовой социализации детей [Ромашова].

В рассматриваемом контексте актуальной и малоизученной проблемой является повседневная жизнь детей из тех социальных групп, которые были поражены в правах. Выявление ее особенностей в послевоенное время на материалах Молотовской области является основной задачей авторов статьи.

В качестве источников для рассмотрения повседневной жизни детей указанной социальной группы привлекались нормативно-правовые документы изучаемой эпохи и материалы делопроизводства различных ведомств, в первую очередь НКВД. Делопроизводство НКВД было засекречено и предназначалось для решения внутриведомственных проблем. Составители документов, отображавших различные проблемы материально-бытового положения спецпоселенцев, вряд ли были заинтересованы в акцентировании недостатков.

Учитывая специфику проблемы, наиболее значимыми источниками становятся воспоминания очевидцев, прежде всего собранные с помощью методов устной истории. Они отражают индивидуально-личностный уровень восприятия детьми действительности и в ряде случаев представляются более достоверными, чем оценки официальных источников, авторы которых были ограничены идеологическими и бюрократическими рамками. Было изучено более 80 биографических интервью с респондентами, проживавшими в Пермском крае в послевоенные годы. Половина из них была получена в рамках экспедиций Пермского «Мемориала», половина — в ходе полевых исследований Центра устной истории ПГГПУ 2007–2016 гг. (из них более 20 интервью собрано лично одним из соавторов — В. М. Коренюк). Среди респондентов немногим более половины были детьми спецпоселенцев разных категорий (в первую очередь представители «репрессированных народов»: немцев, крымских татар и др., а также некоторых других категорий: «оуновцев» и т. п.). Около половины респондентов, в том числе часть из семей спецпоселенцев, пережили арест родителей по политическим мотивам. Естественно, мы не можем рассчитывать на полную достоверность воспоминаний о событиях полувековой и более давности. Кроме того, как отмечает О. Л. Лейбович, необходимо учитывать «социальные рамки памяти», которые позволяют человеку что-то забыть, а что-то вынести на первый план. Важным становится наложить две «картинки»: коллективную память о прошлом и реконструкцию прошлого, восстановленную по документам эпохи [Лейбович, с. 73].

Однако, при всей критичности нашего отношения к воспоминаниям как к источнику, представляется возможным оценить как вполне достоверные сведения респондентов: с одной стороны, типичные; с другой стороны, связанные с их яркими эмоциональными переживаниями.

Ожидания завершения войны были характерны для повседневности военного времени. Особого рода мечты были у ущемленных в своих правах и невинно осужденных. Многим казалось, что окончание войны позволит пересмотреть несправедливые решения различных инстанций по их делам.

Однако надежды так называемого социально опасного контингента на улучшение жизни не оправдались. Новые политические чистки и репрессии по национальному признаку только увеличили количество бесправного населения и закрепили и без того тяжелые материально-бытовые условия существования детей «врагов народа». Данный факт отразили не только респонденты, но и исследователи. Так, Е. Ю. Зубкова отмечает, что после окончания войны среди депортированных возникли надежды на возможную реабилитацию и восстановление прежней государственности. Однако с этой иллюзией скоро пришлось расстаться: никаких встречных шагов со стороны властей ни сразу после окончания войны, ни несколько лет спустя так и не последовало. Подобная ситуация формировала соответствующее настроение, которое аккумулируется в следующем высказывании: «То, что нам сделала плохого советская власть, и то, что мы носили “славное” имя спецпереселенцев, мы не забудем до седьмого поколения» [Зубкова, с. 200].

Учитывая непростые повседневные реалии послевоенного времени для этой категории людей, других условий жизни, по-видимому, быть и не могло. Тем не менее, утверждать, что послевоенное время воспринималось детьми одинаково и только в серых тонах, тоже неверно, так как многое зависело не только от социального статуса детей в местном сообществе, но и от политической ситуации в стране.

Многие дети «врагов народа» отмечают, что в их восприятии советская власть была неплохой. Характерно, что смерть И. В. Сталина для большинства из них стала трагедией, что нашло отражение в воспоминаниях респондентов. Л. Ф. Адашева вспоминает о том, как она переживала, узнав о смерти вождя: «Мы ревели, у нас были зачеты по лыжам, нас отпустили. Все заревели, все плакали» [Интервью с Л. Ф. Адашевой]. Примерно о том же свидетельствует З. Г. Диркс: «Помню, как мне исполнялось шестнадцать лет пятого марта и в этот день умер Сталин. И мне было так обидно и страшно, что я больше не смогу праздновать свой день рождения, ведь Сталин для нас был как вождь» [Интервью с З. Г. Диркс].

В то же время среди наших респондентов встречались и те, кто не придавал особого значения смерти И. В. Сталина. М. Леготкин высказался так: «Да мне важнее смерть рыбы, чем смерть Сталина!» [Интервью с М. Леготкиным]. Конечно, как отмечает О. Л. Лейбович, в данном контексте высказывание может иметь особенность «социальной памяти», когда с течением времени, влиянием

СМИ, сменой политического курса, люди начинают иначе воспринимать действительность [Лейбович]. Почитание детьми тирана, человека, который подверг их репрессиям, было обусловлено государственной пропагандой и сформировавшимися традициями. Восхваления вождя были нормой повседневной жизни человека. О его выдающейся роли было принято говорить в школах, о нем писали восхищенные статьи. Пропаганда, связанная с культом личности И. В. Сталина, стала неотъемлемой составляющей жизни советского человека. Осуждать руководителей страны и их деятельность не было принято, в том числе и среди тех, кто столкнулся с репрессивной политикой. Восприятие И. В. Сталина как тирана, конечно, встречается, но многие подчеркивают, что так они стали думать с течением времени, когда о нем рассказали правду [Интервью с З. Г. Диркс]. Л. В. Крылова спустя годы вспоминает о вожде так: «Сталина я всегда в душе считала преступником, потому что он исковеркал миллионы жизней, сделал несчастными детей, оторвав их от отцов и матерей, и заставил страдать» [Воспоминания Л. В. Крыловой].

Завершение военных действий и отсутствие значительных изменений в жизни людей, казалось, требовали объяснений от государства о причинах невыхода из затянувшегося кризиса.

Сплочению населения и отвлечению его внимания от назревших проблем способствовал поиск новых врагов. В обществе нагнеталась атмосфера подозрительности, позволяющая находить все больше и больше врагов страны. Особенно сильное отторжение у общества по-прежнему вызывало депортированное нерусское население, официально заклеенное как «враждебное». Обвинение в предательстве для детей было самым страшным: дети, независимо от национальности, воспитывались преданными советскими гражданами, считали СССР своей родиной. Так, З. Г. Диркс вспоминает слова своего отца: «Наши предки в далеком прошлом выбрали Россию. Запомни, нельзя болтаться из одной страны в другую. Это — наша родина. А в жизни бывает всякое, но как бы ни было, ты должна все радости и невзгоды прожить достойно. Другой родины нам не дано!» [Интервью с З. Г. Диркс].

Среди детей и взрослых, как отмечает Е. Ю. Зубкова, «широко была развита “идея предательства” и связанное с ней стремление “восстановить справедливость” — это не только конструктивный принцип, позволяющий рассматривать деятельность разрозненных и малочисленных групп как определенное явление, но и своего рода эмоциональный символ, выдвигающий на первый план чувство, а не разум» [Зубкова, с. 150].

Формирование образа врага приводило к постоянным конфликтам между депортированным и местным населением. К «врагам» дети относили немецкую диаспору, и в данном случае в контексте военных событий это понятно. З. Г. Диркс вспоминает о том, как у нее складывались отношения со сверстниками в Молотове: «Когда закончились занятия, одноклассницы мигом исчезли. Я бежала за ними. Девочки, девочки, подождите меня! А слышала я только топот убегающих ног. Накинув одежду, я выбежала на улицу в надежде, что кто-то

остался, но уже никого не было. С левой стороны от школы росли акации, и я пошла в ту сторону. Там-то и оказались мои одноклассники. С криком: “Бей фашистов, бей гадов! Ура!” — они стали меня бить портфелями, а на портфелях были железные наконечники» [Интервью с З. Г. Диркс]. Выдвинутые против поволжской диаспоры немцев обвинения в сотрудничестве с фашистской Германией, безусловно, явились важнейшей причиной того, что восприятие российских немцев в местах их принудительного расселения получило негативную окраску.

Враждебно относились и к этническим русским, и к людям других национальностей, которые были объявлены «врагами» по государственному решению. Это особенно часто проявлялось в межличностных конфликтах на бытовом уровне. Так, А. И. Арамилева вспоминает: «От нас отвернулись все, даже родные. Все боялись...» [Интервью с А. И. Арамилевой]. «Все вокруг тыкали, смотрите — “враг народа”, — говорит З. П. Бурылова, — а мы так стеснялись!» [Интервью с З. П. Бурыловой]. «К детям “врагов народа” относились как-то настороженно», резюмирует Л. Ф. Адашева [Интервью с Л. Ф. Адашевой].

В целом можно констатировать, что послевоенная действительность детей, причисленных к «врагам народа», была наполнена страхом, ощущением неприятия со стороны сверстников и взрослых.

Неотъемлемой частью детской повседневности выступает школа, в которой ребенок проводит большее количество времени. Однако, в данном повседневном аспекте дети «врагов народа» имели существенное отличие от других детей страны. Получить образование могли все, однако дети часто испытывали внутренний дискомфорт и боязнь быть отвергнутыми сверстниками из-за клейма «враг народа». Это могло привести к отказу ребенка посещать школу. Для того чтобы переубедить такого ребенка требовался серьезный разговор с родными или педагогами.

Детям спецпоселенцев разрешалось учиться в высших и средних учебных заведениях, что, казалось бы, давало возможность свободного выбора рода занятий. Однако в реальности многое препятствовало этому. Член семьи спецпоселенцев мог избрать только такую специальность, которая имела в учебных заведениях области его поселения или в другой области, где была спецссылка. В области или даже районе, где режим спецпоселения отсутствовал, учиться члену семьи спецпоселенцев не разрешалось [Архив ГУВД Пермского края, ф. 21, оп. 1, д. 9, л. 155–156].

По данным отдела спецпоселений, в декабре 1952 г. в Молотовской области обучалось 10 862 ребенка из спецпереселенцев, еще 516 детей, подлежащих обучению, не обучались по причинам «материальных условий и болезни». 7 802 посещали начальную школу, 2 932 — среднюю школу и только 128 — высшую. Окончить вузы в 1950–1951 учебном году смогли только 7 спецпереселенцев, в 1951–1952 — 15 человек [Там же, л. 223–224, 226].

Поскольку детьми мы называем несовершеннолетних, т. е. не достигших 18 лет, один из аспектов проблемы — возможность продолжения образования.

Детей «врагов народа» не были готовы принимать во многих вузах, что сильно ограничивало выбор будущей профессии. Некоторые респонденты также отмечают враждебно настроенную приемную комиссию и руководителей учебных заведений. З. Г. Диркс так вспоминает о своей попытке поступления в вуз: «Меня вместе с Германом не приняли. Помню, как долго искали директора, чтобы решить вопрос по нашему зачислению. Нам пришлось ждать следующего утра. Нам сообщили, что принять нас не могут, но зато похвалили за хорошую учебу и сказали, что раз мы комсомольцы, то должны понять, почему нас не принимают. У меня хватило ума спросить (мне тогда было всего 15 лет): “Почему?” Тогда нам ответили: “Практика на военном заводе!” Тогда все и стало понятно. Мы молча удалились. А директор был очень удивлен нашей спокойной реакцией» [Интервью с З. Г. Диркс]. Примерно о том же рассказывает Л. Ф. Адашева: «Я училась, а после второго курса всех отправили на практику на Дзержинский завод. А меня — нет! Как дочь “врага народа”» [Интервью с Л. Ф. Адашевой].

Сын осужденного по 58-й статье В. М. Дементьев с седьмого класса готовился поступать в МВТУ им. Баумана и успешно сдал вступительные экзамены, но далее последовала беседа в мандатной комиссии: «В конце нервного разговора, более всего похожего на унижительный, оскорбительный допрос, детали которого намеренно опускаю, сидевший во главе стола импозантный, с красивым злым лицом мужчина от имени мандатной комиссии с негодованием заявил: “Вы у нас учиться не сможете и не будете! Рекомендуем вам взять свои документы по-хорошему! В противном случае они будут высланы по адресу, указанному в анкете. Упорствовать не советую!” Жалкий, растоптанный, уничтоженный вышел я в сквер перед главным корпусом МВТУ и впервые не смог сдержать своих чувств. Горько было от обиды, несправедливости, бессилия, сердце раздиралось безысходностью положения. Казалось, жизнь кончена, нечего в жизни ждать, все для меня закрыто, главная цель моего будущего рухнула...» [Дементьев].

Недоверие местных партийных органов приводило к тому, что многие специалисты, получившие образование, так и не смогли устроиться на работу. Хотя стоит обратить внимание, что респонденты, ущемленные в правах, подчеркивали, что их предупреждали уже при поступлении, что именно в рамках исключительно этих специальностей образование они получить смогут, но на усмотрение приемной комиссии. Проблемы, возникающие при обучении, например, недопуск к прохождению практики, некоторых студентов выбивали из привычной колеи, и они отступали от намеченной цели. Те, кому повезло, успешно заканчивали учебные заведения и продолжали профессиональное развитие по выбранной специальности.

Таким образом, можно говорить об особенностях получения образования «социально опасными детьми», которые в первую очередь были связаны с доступностью учебных заведений для тех, на кого распространялся режим спецпоселения, а также с выбором дальнейшего пути обучения после школы, в том числе выбором специальности.

Окончание войны так и не привело к каким-либо значительным изменениям в жилищно-бытовых условиях «врагов народа». Особенно тяжелые условия проживания оставались у семей спецпоселенцев. В 1950 г. в спецпоселениях Молотовской области проживали 22 749 семей, у которых было в общей сложности 20 699 детей в возрасте до 16 лет. В 1953 г. в спецпоселках проживали 23 301 семья, в которых имелось 24 403 ребенка [Суслов, с. 388–392].

В первые послевоенные годы жилищно-бытовые условия детей спецпоселенцев были тяжелыми. Так, в 1946 г. на Соликамском целлюлозно-бумажном комбинате 196 семей (645 человек) из 1 217 (4 431 человек) проживали в пос. Володинка, в бараке жилплощадью 192 кв. м было расселено 38 семей (146 человек), в одной комнате проживало по 2–3 семьи (до 12–15 человек) [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 292, л. 255].

Материалы многочисленных ведомственных проверок второй половины 1940-х гг. показывают, что, с одной стороны, в ряде мест удавалось привести жилища спецпоселенцев в удовлетворительное, по мнению проверяющих, состояние, с другой стороны, проверки постоянно вскрывали факты вопиющего неблагополучия. Так, в результате проводившейся в сентябре-октябре 1949 г. Молотовским УМВД проверки жилищно-бытовые условия выселенцев-спецпоселенцев, работающих на предприятиях Министерства лесной и бумажной промышленности, были признаны неудовлетворительными. В частности, в Велвинском ЛПХ Белоевского района спецпоселенцы-«литовцы» и «оуновцы» жили в общежитиях, разделенных на комнаты дощатыми перегородками. «В каждой комнате проживает по 2–3 семьи от 3-х до 9 человек. Крыши общежитий протекают, печи требуют ремонта, рамы одинарные, нет умывальников и бачков для воды... на Новом поселке (Краснокамского бумкомбината) выселенцы в количестве 180 семей (720 чел.) расселены по 2 семьи в одной комнате, 9 семей (35 чел.) по 3 семьи в комнате. Бараки построены в 1933–34 гг., эксплуатационный срок их истек. Крыши и потолки протекают, полы требуют переборки... много рам не застеклено, забиты фанерой», — сообщалось в справке [Там же, д. 456, л. 228–229].

В таких условиях дети часто болели, так как зачастую в помещениях было грязно, а маленькая площадь для проживания должна была вместить не только семьи спецпоселенцев, но и отвечать хозяйственным нуждам. Лишь к 1950 г. на территории спецпоселений начинают происходить изменения: спецпоселенцы получают квартиры или места в общежитиях, но даже эти долгожданные квадратные метры были весьма ограничены.

Заметим, что теснота и необустроенность жилья, в котором проживала большая часть советских людей в послевоенное время, становилась для спецпоселенцев большим, чем для других, испытанием, не столько вследствие несколько заниженных стандартов их обеспечения. Главное — это связанная с этим жильем несвобода. Некоторые респонденты отмечают давящие на них ощущения присутствия колючей проволоки, замкнутости пространства и невозможности свободно передвигаться. Фактически это была жизнь «под колпаком» государственного

контроля, с постоянным наблюдением за человеком, нарушающая границы личного пространства, вторгающаяся во все сферы человеческого бытия.

Размер дохода семьи отражался, в том числе, и на рационе питания ребенка. Дети, проживавшие на территории спецпоселений, во многом зависели от отделов рабочего снабжения, которые обеспечивали продуктами питания и промышленными товарами их родителей. Однако на удовлетворительное питание могли рассчитывать только рабочие. Положение иждивенцев, не занятых на работе, долгое время оставалось незавидным: какого-либо дополнительного питания, помимо основных карточек, они получать не могли. На карточный паек прожить было просто невозможно. Особенно неблагоприятная ситуация с питанием иждивенцев и детей сложилась на предприятиях лесной промышленности. Начиная с 1944 г., иждивенцы не получали ничего, кроме 200 г хлеба, поскольку карточки по другим продуктам не отоваривались из-за отсутствия продуктов в леспродторгах вплоть до 1946 г. [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 292, л. 207]. Спецпереселенцам, трудоустроенным в колхозах, не повезло. Хлебных карточек они не имели, снабжались за счет колхозов, получая хлеба по 200–300 г, картофеля и овощей — 500–900 г на человека, т. е. явно меньше занятых в промышленности [Там же, д. 354, л. 299].

Примечательно, что ни во время войны, ни в послевоенные годы, несмотря на голод, среди детей не появлялось массового желания все присвоить только себе. Конечно, проявления детской жадности были, но это было свойственно и взрослым, пухнувшим от голода, но вшивающим себе в карманы халата хлеб, чтобы его не отобрали. Дети умели делиться, не жадничали и терпеливо переносили тяготы послевоенного времени. Конечно, как и у всяких детей, у них были шалости: они могли таскать сахар, рассасывая его как конфетки, брать конфеты из банки, которые брать было нельзя. З. Г. Диркс вспоминает, как впервые после войны увидела мороженое. «Помню, когда были на вокзале, в Молотове, военные угостили Аню и Германа мороженым. А у меня была ангина. И я тайком его лизнула. Для меня это было таким блаженством, такой вкуснятиной!» [Интервью с З. Г. Диркс].

Работающие на промышленном производстве имели возможность питаться в столовых 2–3 раза в день. Перевыполняющим нормы работникам выдавали еще и дополнительное питание. Правда, еда часто оставляла желать лучшего. Так, в докладе начальника отдела спецпоселений УМВД по Молотовской области «О хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев Западной Украины (ОУН), литовцев, расселенных в Молотовской области» за II квартал 1946 г. отмечалось, что «по Юрлинскому и Кочевскому леспромхозам треста “Комипермлес” в столовых обеды приготавливаются недоброкачественные, совершенно отсутствуют мясо, жиры и другие продукты питания, несвоевременно отовариваются продовольственные карточки, отсутствует дополнительное питание для спецпереселенцев, перевыполняющих нормы выработки» [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 292, л. 242]. Похожие оценки содержатся в докладах о положении других категорий спецпоселенцев [Там же, д. 164, л. 120].

Отмеченные факты свидетельствуют о том, что пережитый большинством советских людей недостаток продовольствия для детей спецпоселенцев усугублялся дополнительными лимитами, связанными с прикреплениями к промышленным предприятиям или колхозам.

То же касалось снабжения спецпоселенцев промышленными товарами. Как и все другие, дети «врагов народа» вспоминают острую нехватку одежды и обуви. На территории спецпоселений особенно тяжело приходилось тем, кто туда прибывал впервые: не хватало одежды, обуви, постельного белья и других важных в быту вещей. Детская одежда по-прежнему шилась родителями самостоятельно. Э. В. Никитина вспоминает: «Я в школу пошла в 1947 году. Мама сшила из какой-то холщовой серой ткани сумку для книг и тетрадей. Я ее носила через плечо. А в то время у некоторых уже появились портфели, и мне мама внушала: “У тебя в этой сумке пятерки, а там, в портфелях, — двойки и тройки”. Белый фартук к школьной форме нам с сестрой сшила из белых мешочков. В них муку продавали» [Вечная память].

Девочки становились девушками и, конечно, им хотелось носить красивые платья. Отсутствие одежды, подходящей «для выхода», становилось настоящей трагедией в жизни ребенка. А. И. Арамилева вспоминает о том, как однажды она мыла окно и с ней познакомился мальчик, пригласил в кино, а ей пришлось отказаться: «Мне ведь одеть совсем нечего было, как я пойду-то» [Интервью с А. И. Арамилевой].

Дети «врагов народа», как и другие дети, ярко и детально сохранили в памяти праздничные события, в первую очередь, празднование Нового года. Однако, отношение к Новому году среди таких детей было особенным. Многие дети ощущали уникальность этого праздника, а некоторые вместе с родителями отмечали не Новый год, а Рождество. В Новый год родители ставили для детей елку, вместе с ребятами вырезали игрушки из бумаги, делали бусы и раскладывали вату в окнах. Некоторые ребята получали подарки, если семья могла себе это позволить. Чаще всего подарком могла быть конфета, какая-то одежда, канцелярские принадлежности. Но среди воспоминаний встречаются рассказы о более дорогих подарках, что является редкостью для повседневных реалий детей в Молотовской области.

Конечно, дети «врагов народа» точно так же, как и все другие дети, мечтали об игрушках и даже при финансовой возможности родителей (хоть это и было редкостью) купить игрушки было негде. Е. М. Гительсон вспоминает об игрушках, которые она получила в Ленинграде перед тем, как ее семью причислили к «врагам народа»: «две игрушки, которые мне подарили родители, я хорошо помню — куклу с закрывающимися глазами. Она была очень красивая, большая. И мишка тоже огромный» [Интервью с Е. М. Гительсон]. Воспоминание об этих игрушках она сохранила на протяжении всей жизни.

Особое место в детской повседневности занимает игра. В игре дети «врагов народа» отдавались своим эмоциям, старались забыть о социальном напряжении, которое порой возникало между детьми. В игровой деятельности дети

знакомились и общались, исчезали барьеры между «своими» и «чужими». В послевоенный период дети «врагов народа» играли в «Войнушки», устраивали клеточки, в которых играли в «Семью». Популярными играми также были «Прятки», «Вышибалы», «Казаки-разбойники». Часто на основе прочитанных книг или по собственному желанию дети устраивали концерты. Л. Ф. Адашева рассказывает: «Мы брали простыню, устраивали спектакли, звали весь квартал» [Интервью с Л. Ф. Адашевой]. «Как и все дети, мы играли, шили кукол, я даже придумывала стихи, любила рисовать и танцевать. Хорошее у нас было детство, было весело, и нас любили родители», — вспоминает З. Г. Диркс [Интервью с З. Г. Диркс].

Детям постарше нравилось ходить в кино, хотя не все могли себе это позволить — билеты для кого-то были дороговаты, а потому поход в кино становился событием. З. Г. Диркс вспоминает, как они однажды убежали в кино с уроков, чтобы посмотреть, что это такое [Там же]. Надо сказать, что в жизни многих детей осуществились самые сокровенные желания, загаданные в военный период. Настоящее счастье для семьи, если дети смогли найти своих родителей, а родители — детей, и при этом им разрешили проживать совместно. З. Г. Диркс очень ярко помнит встречу с отцом: «В двери вокзала зашел мужчина, низкорослый, невзрачный, и я с криком “Папа, папа!” побежала к нему. И это оказался действительно папа. Видимо, его образ жил в моей памяти. Сколько же было радости!» [Интервью с З. Г. Диркс].

Внутренний мир ребенка формировался под влиянием повседневных практик сначала военного, а потом и послевоенного времени, собственных жизненных убеждений и страхов, навешанных войной. Именно страх стал одной из самых ярких сторон ментальности детей того времени, что подтверждается воспоминаниями респондентов. Если обычные дети боялись, прежде всего, родителей или воспитателей, то страхи детей «врагов народа» в немалой степени были связаны с их социальной ограниченностью, боязнью быть отторгнутыми окружающими, т. е. имели политическую окраску.

Конечно, как и все дети, дети «врагов народа» не переставали бояться, что вновь может начаться война. Имели место типичные детские страхи остаться дома одному, детям было не по себе от страшных историй о привидениях.

Но стоит отметить особенности страхов в психологическом состоянии ущемленных в правах детей. Одним из тяжелейших испытаний, выпавших на их долю, было лишение возможности свободно передвигаться и не иметь приватного образа жизни. Это относится к публичности любых бытовых действий, включая отдых, удовлетворение физиологических потребностей и т. п. Спецпоселенцы вынуждены были терпеть повседневные унижения со стороны чиновников, работников комендатур, для которых они являлись людьми второго сорта, «врагами народа». Ослепленные ненавистью к классовому врагу большие и малые начальники не гнушались тем, чтобы унижить несовершеннолетнего, желая самоутвердиться за счет безнаказанно издевательств над слабым. Г. М. Ермина, находившаяся на спецпоселении в Красноярском крае, оставила

такие воспоминания: «Когда я подросла, стала работать, кое-кто из взрослых, причем мужчины в годах, часто меня обижали. По роду своей работы (я в аптеке работала, потом — в райздравотделе) мне надо было ходить в комендатуру, так как когда наши ссыльные тяжело болели, им нужна была квалифицированная консультация... Приходила в комендатуру — длинное здание — проходила 10–15 дверей, и каждый спрашивал: “ты зачем идешь?” И всякие колкости мне отпускали, вроде: “хлопочешь за врагов народа”, “а сама ты кто?”, ежовщиной подкалывали. А я даже не знала тогда, что это такое. В этом здании я пережила немало горьких минут. Могли сказать: “И на тебя дело можно завести”. А я стою, семнадцатилетняя девчонка... А как много среди них было тяжелых людей!» [Интервью с Г. М. Ерминой].

Таким образом, дети «врагов народа» были условно поделены по национальному и политическому признаку, исходя из выдвинутых обвинений их семьям, но они находились в схожих условиях существования. В отличие от других детей, дети «врагов народа» в послевоенный период, радуясь со всеми завершению войны, питали надежды на восстановление справедливости. Однако этого так и не произошло. И в послевоенный период существовала градация между «своими» и «чужими», которая часто была направлена на детей. Более частыми стали конфликты, вызванные национальной неприязнью, особенно по отношению к немецкой диаспоре. Жизнь в страхе, ощущение отверженности и неприятия со стороны сверстников и взрослых, постоянного контроля со стороны государства, в совокупности с тяжелыми материально-бытовыми условиями жизни и ограничениями свободы передвижения, отличали повседневность детей «врагов народа». Завершение войны практически ничего не изменило для них, в отличие, например, от других категорий детей, у которых с завершением войны начался новый этап, не обремененный печальными событиями.

В отличие от других, для повседневности детей «врагов народа» было характерно наличие постоянного дискомфорта, вызванного страхом за собственную жизнь и жизнь своих близких.

Источники

Архив ГУВД Пермского края. Ф. 21. Оп. 1. Д. 9.

Вечная память: Воспоминания Эммы Викторовны Никитиной [Электронный ресурс]. URL: <http://kniga.pmem.ru/1-33-vechnaya-pamyat.htm> (дата обращения: 26.11.2016).

Воспоминания Л. В. Крыловой // Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 2. Оп. 4. Д. 17. Л. 36.

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164, 290, 292, 354, 456.

Дементьев В. М. Невольники двадцатого века [Электронный ресурс]. URL: <http://kniga.pmem.ru/1-7-nevolniki-dvadcatogo-veka.htm> (дата обращения: 26.11.2016).

Интервью с Л. Ф. Адашевой. Записано И. А. Астаховым Август 2009 // Архив Центра устной истории и визуальной антропологии ПГГПУ.

Интервью с А. И. Арамилевой. Записано В. М. Коренюк. Май 2008 // Личный архив В. М. Коренюк.

Интервью с З. П. Бурыловой. Записано В. М. Кореньюк. Май 2008 // Личный архив В. М. Кореньюк.

Интервью с Е. М. Гительсон. Записано А. Г. Козловой. Май 2004 // Архив Международного общества «Мемориал». Фонд аудиозаписей.

Интервью с З. Г. Диркс. Записано В. М. Кореньюк. Сентябрь 2007 // Личный архив В. М. Кореньюк.

Интервью с Г. М. Ерминой. Записано А. М. Калихом // Личный архив А. М. Калиха.

Интервью с М. Леготкиным. Записано Н. Овчинниковым. Декабрь 2009 // Центр устной истории и визуальной антропологии ПГГПУ.

Исследования

Елизов А. Г. Повседневная жизнь городского населения Красноярского края в середине 1940-х — середине 1960-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2002.

Зубкова Е. А. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 1999.

Кимерлинг А. С. Политическая кампания «Дело врачей» в провинции. 1953 год (на материалах Молотовской и Свердловской областей) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000.

Лейбович О. В. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М. : РОССПЭН, 2008.

Романович С. В. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002.

Ромашова М. В. Советское детство в 1945 — середине 1950-х гг.: Государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006.

Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М. : РОССПЭН, 2010.

Туриянова О. Н. Повседневная жизнь городского населения Башкирской АССР в послевоенные годы (1945–1953 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002.

References

Elizov, A. G. (2002). *Povsednevnaia zhizn' gorodskogo naselenija Krasnojarskogo kraja v seredine 1940-h — seredine 1960-h gg.* [The Everyday Life of the Urban Population of Krasnoyarsk Region in the mid-1940s — mid-1960s] (doctoral dissertation). Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk. (In Russian)

Kimerling, A. S. (2000). *Politicheskaja kampanija “Delo vrachei” v provintsii. 1953 god (na materialakh Molotovskoi i Sverdlovskoi oblastei)* [The Doctors' Plot Political Campaign in the Province. 1953 (with Reference to Cases of Molotov and Sverdlovsk Regions)] (doctoral dissertation). Perm State University, Perm. (In Russian)

Leibovich, O. V. (2008). *V gorode M. Ocherki sotsial'noi povsednevnosti sovetskoj provintsii* [In 'M' City. Essays on the Social Everyday Life of the Soviet Province]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Romanovich, S. V. (2002). *Bor'ba s detskoj besprizornost'ju i beznadzornost'ju na Yuzhnom Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: 1941–1945 gg.* [Struggle against Child Homelessness in the Southern Urals during the Great Patriotic War. 1941–1945] (doctoral dissertation). Orenburg State University, Orenburg. (In Russian)

Romashova, M. V. (2006). *Sovetskoe detstvo v 1945 — seredine 1950-h gg.: Gosudarstvennye proekty i provintsialnye praktiki (po materialam Molotovskoi oblasti)* [Soviet Childhood in 1945 — mid-1950s: State Projects and Provincial Life] (doctoral dissertation). Perm State University, Perm. (In Russian)

Suslov, A. B. (2010). *Spetskontingent v Permskoi oblasti (1929–1953 gg.)*. [Special Contingent in Perm Region (1929–1953)]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Turiyanova, O. N. (2002). *Povsednevnaia zhizn' gorodskogo naselenija Bashkirskoi ASSR v poslevoennye gody (1945–1953 gg.)* [The Everyday Life of the Urban Population in the Bashkir ASSR (1945–1953)] (doctoral dissertation). Ufa State University, Ufa. (In Russian)

Zubkova, E. A. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: Politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Postwar Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Кореньюк Валентина Михайловна

учитель истории

МАОУ СОШ № 9 им. А. С. Пушкина
614039, Пермь, Комсомольский пр., 45
E-mail: loskina_Tina@mail.ru

Суслов Андрей Борисович

доктор исторических наук, доцент,
профессор, заведующий кафедрой
новой и новейшей истории России
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
614000, Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: absuslov@gmail.com

Korenyuk, Valentina Mikhailovna

Teacher of History

School No. 9 named after Alexander Pushkin
45, Komsomolsky Ave., 614039 Perm, Russia
Email: loskina_Tina@mail.ru

Suslov, Andrey Borisovich

Dr. Hab. (History), Professor, Head
of the Chair of Modern and Contemporary
History
Perm State Humanitarian Pedagogical
University
24, Sibirskaya Str., 614000 Perm, Russia
Email: absuslov@gmail.com